

Чепурных Матвей Александрович,
Студент, Академия ФСИН России

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 318 И 321 УК РФ: КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена разграничению применения насилия в отношении представителя власти и дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Выявлены терминологические и санкционные расхождения между нормами, не устранённые разъяснениями высшей судебной инстанции, и предложен последовательный алгоритм квалификации.

Ключевые слова: Дезорганизация деятельности учреждений, представитель власти, разграничение составов, конкуренция норм, сотрудник места лишения свободы, квалификация преступлений.

Сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, обладает двойственным уголовно-правовым статусом. С одной стороны, он является должностным лицом правоохранительного органа и, следовательно, представителем власти в смысле примечания к статье 318 Уголовного кодекса Российской Федерации. С другой – прямо назван потерпевшим в части 2 статьи 321 Кодекса. Насилие, применённое к нему осуждённым, формально подпадает под признаки обоих составов, что порождает устойчивую конкуренцию уголовно-правовых норм. Практическая значимость вопроса подтверждается статистикой: количество осуждённых по части 1 статьи 318 Кодекса возросло с 5687 человек в 2020 году до 7081 в 2024 году, а по части 2 остаётся стабильно высоким [3, с. 53]. Увеличивается и пенитенциарная преступность в целом: число регистрируемых в исправительных колониях преступлений возросло с 838 в 2015 году до 966 в 2020 году [1, с. 58]. При этом деяния, дезорганизующие деятельность учреждений, составляют в структуре преступности мест лишения свободы лишь два-три процента, но характеризуются повышенной общественной опасностью [2, с. 18].

Основание конкуренции заложено в самой конструкции норм. Часть 1 статьи 318 Кодекса устанавливает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Часть 2 статьи 321 Кодекса описывает те же деяния, совершённые в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких. Соотношение норм подчинено правилу части 3 статьи 17 Кодекса: при конкуренции общей и специальной нормы применению подлежит специальная. Норма о дезорганизации выступает специальной, поскольку конкретизирует и категорию потерпевшего, и сферу, в которой совершается посягательство.

Базовый вариант этой конкуренции разрешён высшей судебной инстанцией. В пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 года № 14 разъяснено, что применение насилия, не опасного или опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия, совершённые в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, при наличии соответствующих оснований следует квалифицировать по части 2 или 3 статьи 321 Кодекса. Данное разъяснение впервые на уровне

акта высшей судебной инстанции закрепило приоритет специальной нормы. Вместе с тем оно охватывает лишь типовую ситуацию и оставляет открытыми несколько пограничных вопросов, которые и составляют предмет настоящего исследования.

Дополнительную актуальность проблеме придаёт новелла законодательства. Федеральным законом от 27 октября 2025 года № 401-ФЗ в часть 1 статьи 321 Кодекса внесено изменение: ранее использовавшаяся формулировка «администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы» заменена на «администрации места лишения свободы или места содержания под стражей». Тем самым законодатель устранил терминологическое расхождение между частями первой и второй данной статьи, приведя их к единому обозначению. Однако значительно более существенное расхождение – между статьями 318 и 321 Кодекса – осталось незатронутым, что позволяет говорить о незавершённости начатой унификации.

Первое из нерешённых противоречий носит терминологический характер. Статья 318 Кодекса связывает посягательство с исполнением представителем власти своих должностных обязанностей, тогда как статья 321 – с осуществлением сотрудником служебной деятельности. Эти понятия не тождественны: служебная деятельность по объёму шире должностных обязанностей, поскольку охватывает и действия, совершаемые по службе, но не входящие в круг непосредственных обязанностей конкретного лица. Следствием является парадокс: специальная норма, рассчитанная на более узкий круг потерпевших, устанавливает при этом более широкое основание связи деяния со служебным положением. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в приведённом разъяснении воспроизвёл формулировку статьи 321 Кодекса, но соотношение указанных понятий не раскрыл, оставив вопрос на усмотрение правоприменителя.

Второе противоречие касается круга потерпевших. Часть 2 статьи 321 Кодекса называет исключительно сотрудника, то есть лицо, имеющее специальное звание и состоящее на службе в уголовно-исполнительной системе. За пределами нормы остаются работники учреждения, не являющиеся аттестованными сотрудниками, – мастера производственного обучения, врачи, преподаватели, которые наравне с сотрудниками участвуют в исполнении наказания. На неравное положение этой категории обоснованно указывается в литературе со ссылкой на то, что ранее, в период действия статьи 77.1 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, разъяснения высшей судебной инстанции относили к представителям администрации в том числе вольнонаёмный состав, осуществлявший в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание [2, с. 19]. Статья 318 Кодекса этот пробел не восполняет: такой работник, как правило, не наделён распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, а значит, не отвечает признакам представителя власти. Насилие в отношении него подлежит квалификации по общим нормам о преступлениях против личности, хотя объект посягательства фактически тот же.

Третье противоречие связано с обстановкой совершения деяния. Конструкция статьи 321 Кодекса не содержит указания на место совершения преступления, вследствие чего норма применима и тогда, когда посягательство совершено за пределами учреждения. В литературе справедливо отмечается, что месть осуждённому за содействие администрации возможна и после его освобождения [2, с. 19]. Аналогичная ситуация складывается и применительно к сотруднику: насилие, применённое к нему вне службы, но в связи с ней, формально образует состав дезорганизации, хотя деятельность учреждения при этом не дезорганизуется. Возникает разрыв между наименованием нормы, указывающим на дезорганизацию как на результат посягательства, и конструкцией состава, который является формальным и наступления такого результата не требует.

Четвёртое противоречие имеет санкционный характер и в литературе практически не обсуждается. Часть 1 статьи 318 Кодекса предусматривает альтернативные виды наказания –

штраф, принудительные работы, арест и лишение свободы на срок до пяти лет. Часть 2 статьи 321 Кодекса за деяние, совпадающее по объективной стороне, устанавливает единственный вид наказания – лишение свободы на тот же срок до пяти лет. Таким образом, специальная норма при равном верхнем пределе полностью лишает суд возможности назначить наказание, не связанное с изоляцией. Противоположная картина наблюдается при насилии, опасном для жизни или здоровья: часть 2 статьи 318 предусматривает лишение свободы до десяти лет, тогда как часть 3 статьи 321 – от пяти до двенадцати лет. Соотношение санкций, таким образом, лишено единой логики дифференциации.

Изложенное позволяет предложить последовательный алгоритм разграничения, состоящий из трёх шагов. На первом устанавливается статус потерпевшего: аттестованный сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близкие влекут применение части 2 или 3 статьи 321 Кодекса; иной представитель власти, оказавшийся на территории учреждения, – применение статьи 318; работник учреждения, не являющийся ни сотрудником, ни представителем власти, – применение общих норм о преступлениях против личности. На втором шаге проверяется характер связи деяния со служебным положением потерпевшего, причём для статьи 321 достаточно связи с осуществлением служебной деятельности, а для статьи 318 требуется связь с исполнением должностных обязанностей. На третьем шаге оценивается направленность умысла на дезорганизацию деятельности учреждения, которая должна выступать разграничительным признаком при совпадении первых двух условий.

На основании проведённого анализа предлагается ряд мер. Целесообразно унифицировать формулировки, приведя признак связи деяния со служебным положением потерпевшего в статьях 318 и 321 Кодекса к единому виду, что логически продолжило бы унификацию, начатую Федеральным законом от 27 октября 2025 года № 401-ФЗ. Следует расширить круг потерпевших по части 2 статьи 321 Кодекса за счёт работников учреждения, участвующих в исполнении наказания, но не имеющих статуса аттестованного сотрудника; такое предложение высказывалось в литературе со ссылкой на статью 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь, относящую к потерпевшим обе категории – вольнонаёмных и аттестованных работников [2, с. 19]. Необходимо дополнить санкцию части 2 статьи 321 Кодекса альтернативными наказаниями по образцу части 1 статьи 318, устранив тем самым необоснованную санкционную асимметрию. Наконец, представляется обоснованным дополнить пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 года № 14 разъяснением о квалификации посягательств, совершённых за пределами учреждения, а также о соотношении понятий служебной деятельности и должностных обязанностей.

Разграничение составов, предусмотренных статьями 318 и 321 Уголовного кодекса Российской Федерации, не сводится к применению правила о приоритете специальной нормы. Разъяснение высшей судебной инстанции закрыло типовую ситуацию, однако за его пределами остались расхождения в описании связи деяния со служебным положением потерпевшего, необоснованно узкий круг потерпевших по специальной норме, неопределённость значения обстановки совершения преступления и асимметрия санкций. Устранение этих дефектов возможно средствами точечной законодательной корректировки и дополнительного судебного толкования и не требует пересмотра сложившейся системы норм об охране порядка управления.

Список литературы:

1. Епифанов С. С. Правопорядок и режим в исправительных учреждениях: соотношение, средства обеспечения, факторы (уголовно-исполнительный аспект) // Уголовно-исполнительное право. - 2021. - Т. 16(1-4), № 1. - С. 57-62.

2. Ишигеев В. С., Пузикова А. В., Лапша В. Л. Отдельные вопросы квалификации действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) // Уголовная юстиция. - 2021. - № 18. - С. 18-21.

3. Семенова У. С. Особенности квалификации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. - 2025. - № 4 (48). - С. 52-57.

